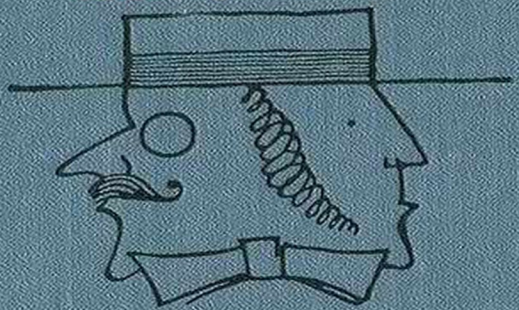
БРЕТ ГАРТ



Наивное дитя Сьерры
Брет Гарт

Аннотация
Брет Гарт
НАИВНОЕ ДИТЯ СЬЕРРЫ
I
II

Аннотация

Девушке, везущей в почтовой карете, как выяснилось несколько позднее, краденое, удаётся благодаря своей наивной простоте и непосредственности убедить подозрительного кучера в правдивости рассказанной ею истории о побеге от богача-отца к возлюбленному.

Брет Гарт

НАИВНОЕ ДИТЯ СЬЕРРЫ

I

«НЕВИННОЕ ДИТЯ СЬЕРРЫ»

Мы все затаили дыхание, когда дилижанс, взобравшись на перевал, помчался в полутьме через седловину Гэллопера. Громоздкая карета превратилась в огромную бесформенную тень. Оба фонаря по бокам были предусмотрительно погашены, и Юба Билл только что учтиво извлек из губ сидящего наверху пассажира дымящуюся сигару, посредством которой тот явно хотел показать всем свое хладнокровие. Ибо прошел слух, что банда Рамона Мартинеса, орудующая на дороге, подстерегает нас на втором уступе, дожидаясь, когда наши огни покажутся на перевале, чтобы напасть на нас в зарослях у спуска. Если нам удастся взять перевал незамеченными и выбраться из зарослей, прежде чем они нас настигнут, мы спасены. Если даже они и погонятся за нами, это будет только бешеная скачка со всеми преимуществами на нашей стороне. Громоздкий кузов кареты болтался из стороны в сторону, кренился, подскакивал и нырял, но Билл твердо держался дороги, хоть он и не мог ее видеть, но, как сказал шепотом почтовый курьер, он ее нюхом чует.

Мы чувствовали, как мы вдруг иногда повисали над самым откосом, спускавшимся отвесной стеной на тысячу футов туда вниз, к вершинам

гигантских сосен, но мы знали, что то же самое чувствует и Билл. Едва различимые головы лошадей, сомкнутые в клин натянутыми ремнями вожжей, казалось, врезались в мрак, как лемех плуга, под его напруженными руками. И даже неистовый топот шестерки лошадей слился в какой-то смутный, отдаленный непрекращающийся стук. Но вот наконец перевал остался позади и мы нырнули в еще более густую темь лесной чащи. Как будто мы вдруг перестали двигаться — лишь эта призрачная мгла стремительно летела мимо. Лошади словно погрузились в быстротечные Летейские воды; только верх дилижанса и неподвижная фигура Юбы Билла выступали впереди. Однако даже и в эти страшные минуты мы мчались все с той же бешеной скоростью. Казалось, Билл уже перестал править, а только гнал; как будто уже не его, а чьи-то чужие руки направляли этот громадный рыдван. У какого-то неосторожного пассажира нечаянно вырвалось шепотом: «А что, если налетим на встречный?» — и все невольно поежились. К великому нашему удивлению, Билл услышал эти слова, но еще больше нас удивило, что он тут же отозвался на них.

— Тогда, значит, оба в тартарары полетим,

посмотрим, кто первый, — невозмутимо промолвил он.

А у нас отлегло на душе, потому что он заговорил. И чуть ли не в эту же минуту впереди смутно забелела широкая проезжая дорога; деревья на нашем пути стали расступаться, редеть, исчезая одно за другим. Перед нами открылось широкое плато, — мы были вне опасности; как видно, нас не заметили и никакой погони за нами не было.

Однако среди оживленных разговоров, возобновившихся, как только зажгли фонари, шуток, поздравлений и возгласов Юба Билл сохранял угрюмое и даже сердитое молчание. Никакие восторженные похвалы его мужеству, его искусной езде не вызывали у него никакого отклика.

— Видно, старику не терпелось подраться, вот он теперь и досадует, — сказал кто-то из пассажиров.

Но те, кто знал, что Билл как настоящий боец презирает бессмысленную драку, наблюдали за ним не без тревоги. Минут пять — шесть он правил с каким-то напряженным видом, сосредоточенно сдвинув брови, но зорко поглядывая по сторонам из-под своей низко надвинутой шляпы, потом вдруг откинулся и с раздражением мотнул головой.

— Ты чего-нибудь опасаешься, а, Билл? — тихонько спросил его почтовый курьер. Билл бросил на него недоуменный и несколько презрительный взгляд.

— Впереди теперь нечего опасаться, а вот насчет того, что прошло, скажу прямо, не знаю. Бандой Рамона нынче на дороге и не пахло, непохоже, что они нас где-то стерегли, а ежели стерегли, чего ж они тогда за нами не погнались?

— А что же удивительного, просто наша хитрость удалась, — сказал кто-то из сидящих наверху. — Они караулили наши огни на перевале, а их не было, вот они нас и пропустили! По моему мнению, иначе и быть не может.

— А вы на этом вашем мнении не желаете заработать? — учтиво осведомился Билл.

— Н-нет.

— А то есть такая газетка во Фриско, она за такие штуки платит. Я там и не такое читывал.

— Да ну полно вам, Билл, — возразил путник, несколько уязвленный хихиканьем сидящих рядом. — А для чего же вы тогда погасили фонари?

— Фонари, — мрачно промолвил Билл. — Может, я потому их погасил, что опасался, как бы кто из вас не выпалил в первый попавшийся куст, потому как вам со страху могло померещиться,

что он движется, вот тут бы они нам и всыпали.

Хотя нас и не совсем удовлетворило это объяснение, нельзя было не признать его более или менее правдоподобным, и мы все засмеялись. Но Билл снова насупился и замолчал.

— Кто сел на заставе до перевала? — внезапно обратился он к почтовому курьеру.

— Деррик и Симпсон с Холодного Ключа да еще один из этих, знаешь, из «Эксельсиора», — отвечал курьер.

— А эта девушка Даус-Флет со всеми ее коробами, ее не забудьте, — насмешливо добавил пассажир с империала.

— Ее кто-нибудь знает здесь? — не обращая внимания на его насмешливый тон, продолжал допрашивать Билл.

— Вы лучше судью Томпсона спросите, он все около нее хлопотал, усадил ее возле первого окна и узлы и сундуки ее запихивал.

— У окна… — повторил Билл.

— Да, ей хотелось так, чтобы все видно было, а что стрелять будут, она не побоялась.

— Да, да, — вмешался третий пассажир, — он так уж за ней увивался, что, когда она обронила кольцо на пол, в солому, он против всех ваших правил спичку зажег и светил ей, пока она не на-

шла. И это было как раз, когда мы сквозь заросли мчались, а я все в окно видел, потому как я в это время совсем по пояс высунулся и ружье наготове держал. И тут уж не судьи Томпсона вина, что нас его юбочное легкомыслие не выдало и под пули не подвело.

Билл только коротко хмыкнул и, не сказав ни слова, даже не взглянув на говорившего, молча продолжал путь.

Нам оставалось ехать не больше мили до почтовой станции на разъезде, где мы должны были остановиться, чтобы сменить лошадей. Вдали уже замелькали огни, а вершины горного кряжа на западе начали чуть — чуть проступать в предрассветной мгле. Мы только что спустились в рощу, как вдруг откуда-то сбоку, по-видимому, с рядом идущей тропы, на дорогу на всем скаку вылетел всадник. Мы все немножко струхнули. Один только Юба Билл сохранял мрачную невозмутимость.

— Хэлло! — окликнул он.

Незнакомец круто повернул и поехал рядом с нами, а Билл сбавил ходу. Оказалось, это поставщик, развозивший товары на муле.

— Ну как, не обчистили тебя за перевалом? — шутливо спросил Билл.

— Нет, — смеясь, отвечал поставщик. — Я казны не вожу. Ну и вас, как видно, бог миловал. Я видел, как вы с перевала спускались.

— Нас видел? — живо спросил Билл. — Мы же без огней ехали.

— Да, но у вас что-то белое в окне трепыхалось, платок носовой либо женская косынка. Я еду, гляжу, словно какое-то пятнышко белое по горе движется, ну а так как я все высматривал, когда вы покажетесь, я по нему и понял, что это вы. Ну, счастливо вам доехать!

И он поскакал вперед. Мы поглядывали друг на друга и на Билла, стараясь уловить в темноте выражение его лица, но он не проронил ни слова и сидел, не шевельнувшись, до тех пор, пока не опустил вожжи и мы не остановились у станции. Верхние пассажиры тут же соскочили, и почтовый курьер уже собирался последовать за ними, но Билл дернул его за рукав.

— Прежде чем мы отсюда выедем, я хочу оглядеть дилижанс и всех наших пассажиров с тобой проверить.

— А что такое? Что случилось?

— А вот что, — сказал Билл, медленно стаскивая одну из своих громадных рукавиц. — Когда мы спускались в заросли, я видел, как из-за кустов

вышел какой-то тип, видел вот так же, как сейчас тебя вижу. Я подумал, ну вот сейчас начнется, тут-то они на нас и навалятся, а он вдруг отступил, подал какой-то знак, и тут мы уже промчались.

— Ну и что?

— А то, — сказал Билл, — это значит, наша карета нынче пропуск на проезд получила.

— Надо полагать, ты не против этого? Я так думаю, нам здорово повезло.

Билл медленно стащил другую рукавицу.

— Я на этой проклятой дороге три раза в неделю своей жизнью рискую, — начал он каким-то фальшиво смиренным тоном, — и всякий раз, как судьба меня милует, бога благодарю. Но, — мрачно продолжал он, — когда дело доходит до того, что мне разрешается проехать, потому что приятель какого-то конокрада велел нас на этот раз пропустить, и это надо считать милостью провидения, — нет, на это я не согласен. Нет, сэр, не согласен.

II

Когда стало известно, что самовластный Юба Билл распорядился задержать дилижанс на четверть часа, чтобы подтянуть какие-то болты, пассажиры отнеслись к этому по-разному. Одним не терпелось добраться поскорей до Соснового Дола и позавтракать, другие были не прочь задержаться, глядишь, посветлей станет и ехать спокойней.

Почтовый курьер, который знал истинную причину задержки, все же никак не мог взять в толк, чего собственно думает этим добиться Билл. Все пассажиры ему известны, о каком-то сговоре с грабительской шайкой даже подумать немыслимо, этакая дичь, но, если бы среди них и оказался такой соучастник, он, во всяком случае, скорей бы способствовал ограблению, а не помешал ему. И, наконец, разоблачить такого соучастника, которому они как-никак явно обязаны тем, что их не тронули, упечь его в тюрьму, это, конечно, не против закона, но, во всяком случае, противоречит калифорнийскому понятию справедливости. Похоже, Билл малость с панталыку сбился с этими своими дурацкими

рассуждениями насчет чести.

Почтовый двор представлял собой конюшню, сарай для карет и небольшое помещение из трех комнат. В первой комнате, заставленной деревянными койками, спали служащие, во второй была кухня, а третья, более просторная, считалась столовой или гостиной, она же служила залом ожидания для пассажиров. Это была станция без буфета, здесь не было даже и стойки. Но по магическому слову всемогущего Билла откуда-то появилась бутыль виски, которую он радушно предложил распить всей компанией. Возбуждающее действие спиртного развязало язык галантному судье Томпсону. Он признался, что он, правда, зажег спичку, чтобы помочь хорошенькой уроженке штата Миссури найти колечко, которое, как потом оказалось, упало к ней на колени. Эта пышущая здоровьем, красивая, молодая девушка — таких только на Дальнем Западе встретишь — настоящий цветок прерий, и такая простота и невинность — сущий ребенок. Она едет, кажется, в Мэрисвилл, ее где-то дорогой должны встретить друзья или, вернее, друг. С тех пор, как она три года тому назад переселилась сюда, на Запад, она первый раз едет в большой город или, скажем прямо, в какой-либо более или менее

цивилизованный район. Ее детское любопытство просто умилительно, и такая подкупающая наивность. Словом, он дал понять, что здесь, у нас, где самый уклад жизни, можно сказать, поощряет в молодых девицах легкомыслие и развязность, эта юная особа показалась ему очень приятной. Она и сейчас осталась в конюшне посмотреть, как запрягают лошадей — такое естественное детское любопытство; ей это гораздо интересней, чем слушать пустые любезности молодых пассажиров.

Особа, которую Билл застал за ее наблюдениями в конюшне, не отличалась никакой особенной красотой, но, впрочем, вполне оправдывала мнение о ней судьи. Это была пышнотелая деревенская девушка, ее ясные серые глаза, большой смеющийся рот — все говорило о здоровом неистощимом довольстве жизнью и всем окружающим. Она смотрела, как перекладывают багаж. Когда какой-то ее короб неосторожно закинули наверх и она невольно вскрикнула, Билл не упустил случая вмешаться.

— А ну ты там! — рявкнул он на помощника. — Камни, что ли, швыряешь! Поосторожней надо. Это ваши вещи, мисс? — с грубоватой учтивостью обратился он к девушке. — Вот эти сундуки?

Она мило улыбнулась и кивнула, а Билл от-

толкнул помощника и подхватил громоздкий сундук. Но то ли от чрезмерного рвения, то ли по несчастной случайности, он споткнулся и упал, стукнул углом сундука оземь; скобы и петли, державшие замок, отскочили, и крышка откинулась. Это был простой, дешевый сундук, но из-под отлетевшей крышки вылез наружу целый ворох белых женских нарядов, отделанных кружевом и по виду чрезвычайно изысканных. Девушка опять вскрикнула и бросилась к сундуку, но Билл рассыпался в извинениях, сам перетянул разбитый сундук ремнями и пообещал стребовать с почтовой конторы в качестве возмещения убытков новый сундук. Затем он проводил ее в зал ожидания и, согнав со стула, то есть попросту подняв за ворот самого молодого пассажира, усадил ее возле камина, а сам оттолкнул в сторону другого, стоявшего рядом, стал прямо перед ней на его место и, поглядывая на нее с высоты своих шести футов, достал из кармана свою подорожную со списком пассажиров.

— Вы значитесь у меня здесь под именем мисс Мэллинс? — сказал он.

Девушка подняла на него глаза и сразу почувствовала, что на них устремлено внимание всех собравшихся кругом пассажиров дилижанса. Она

чуть-чуть покраснела и ответила:

— Да.

— Так вот я должен вас кое-что спросить, мисс Мэллинс. Я делаю это прямо, на виду у всех. Мое право — расспросить вас с глазу на глаз, но это не в моих правилах, я не сыщик. Я мог бы вас и вовсе не спрашивать, а поступить так, будто я наперед знаю, что вы ответите, или подождать, чтобы вас спросили другие. И вы можете и вовсе не отвечать, если вам неугодно, у вас здесь найдутся заступники; вот судья Томпсон хотя бы, прав он будет или неправ, да и все они тут за вас вступятся, словно бы вы сами себе присяжных на суде подобрали. Так вот я вас спрашиваю попросту: подавали ли вы кому-нибудь знак из дилижанса, когда мы час тому назад проезжали через перевал?

Нам показалось, что Билл при всей его смелости и дерзости на этот раз зашел слишком далеко. Открыто и публично обвинить «даму» в присутствии рыцарственных калифорнийцев, да еще когда эта «дама» — юная, миловидная, простодушная девушка, — это граничит с безумством. Все были явно на стороне хорошенькой пассажирки, откуда-то справа послышались негодующие возгласы, но все были так ошеломлены

неслыханной дерзостью Билла, что в первую минуту просто остолбенели.

— Послушайте, Билл, я должен сказать в защиту этой юной особы… — начал было судья Томпсон с мягкой, примиряющей улыбкой, но тут хорошенькая обвиняемая подняла глазки на своего обвинителя, и все так и ахнули, когда она с робкой нерешительностью, как бы подтверждающей ее правдивость, ответила:

— Да, подавала.

— М-да. Но, позвольте, — поспешно вмешался судья. — Вы… вы просто высунули руку в окно, и ваш платочек развевался на ветру. Я и сам заметил, но это же у вас вышло нечаянно, ну вы просто так, баловались — без какого-либо определенного намерения.

Девушка нетерпеливо, но вместе с тем с каким-то гордым видом смотрела на своего защитника.

— Я подавала знаки, — коротко сказала она.

— Кому вы подавали знаки? — сурово спросил Билл.

— Молодому человеку, за которого я выхожу замуж.

Движение в толпе и смешки молодых пассажиров были мгновенно пресечены свирепым

взглядом Билла.

— Для чего вы подавали ему знаки? — продолжал он.

— Сообщить, что я здесь и что все обошлось хорошо, — покраснев, отвечала девушка все с тем же гордым видом.

— А что хорошо обошлось? — не отставал Билл.

— Что за мной не гонятся и что он может встретить меня на дороге после Кэсс-Ридж. — Она немножко замялась, а потом с еще большей гордостью, в которой было что-то по-детски вызывающее, продолжала: —Я убежала из дому, чтобы выйти за него. И выйду. Никто меня не удержит. Папаша его не любит, потому что он бедный, а у папаши много денег. Он хотел меня выдать за человека, которого я терпеть не могу, и надарил мне всяких нарядов и платьев, чтобы подкупить меня.

— А вы, значит, их в вашем сундуке к тому парню везете? — мрачно заметил Билл.

— Да, он бедный, — вызывающе отрезала девушка.

— Так, значит, фамилия вашего отца Мэллинс? — спросил Билл.

— Нет, не Мэллинс. Это я так… сама назва-

лась, — отвечала она нерешительно и впервые за все время явно смутившись.

— А как же отца зовут?

— Эли Хеммингс.

Все переглянулись с облегчением, и многозначительная усмешка поползла по губам. Слава Эли, или Живодера Хеммингса, известного ростовщика и скупердяя, проникла даже за перевал.

— Мне нечего говорить вам, мисс Мэллинс, что шаг, на который вы решились, — это шаг исключительной важности, — сказал судья Томпсон с отеческой внушительностью, которую, как мы все видели, он тщился напустить на себя, — и я надеюсь, что вы с вашим женихом взвесили это должным образом. Я, конечно, далек от того, чтобы подвергать сомнению ваши чувства или препятствовать естественной взаимной склонности двух молодых людей, но я бы хотел спросить вас, что вы знаете об этом… мм… молодом человеке, ради которого вы жертвуете столь многим и, быть может, даже рискуете всем своим будущим? Ну скажите хотя бы, давно ли вы с ним знакомы?

Ее несколько испуганный вид, в котором было что-то детски недоуменное, как будто она силилась понять, к чему ведет это вступление, сменился улыбкой радостного понимания, и она

поспешно ответила:

— О да, уже почти целый год.

— А у него есть какая-нибудь профессия? — с улыбкой продолжал судья. — Он где-нибудь служит?

— Да, да, — отвечала она, — он сборщик.

— Сборщик?

— Да, он собирает плату, ну, знаете, деньги, — пояснила она с детской готовностью, — конечно, не для себя, он-то всегда без денег, бедняжка Чарли, а для своей фирмы. Это ужасно тяжелая работа, дни и ночи в разъездах, в любую погоду, в ненастье, по скверным дорогам. Случается, он иной раз урвет время, прискачет на ранчо, просто чтобы повидать меня, ну прямо еле живой, едва в седле держится, а уж на ногах совсем не стоит. И что только ему терпеть приходится, и собой рисковать! Иные чуть ли не в драку лезут, не хотят платить, как-то раз руку ему прострелили, он ко мне прискакал, я ему помогла кровь унять. Но он не жалуется. Он такой смелый, смелый и добрый... — И такая задушевная искренность слышалась в ее простодушных похвалах, что мы все были глубоко растроганы.

— А для кого он работает сборщиком, для какой фирмы? — мягко спросил судья.

— Я точно не знаю, он мне не говорил, кажется, это какая-то испанская фирма. Видите ли, — и, глядя на нас с какой-то лукавой и чуточку озорной улыбкой, она доверчиво посвятила нас в свой секрет, — я только потому знаю, что я как-то раз заглянула в письмо, которое он получил от своей фирмы, ему писали, чтобы он не мешкая собирался в дорогу и был наготове к следующему дню, и подпись была, кажется, Мартинес, да, да, Рамон Мартинес.

Наступила мертвая тишина, такая тишина, что слышно было, как в конюшне на дворе лошади позвякивают сбруей, и вдруг кто-то истерически захохотал — это не выдержал молодой клерк из «Эксельсиора», но Юба Билл метнул на него грозный взгляд, и тот словно окаменел, а лицо его превратилось в беззвучно хохочущую маску. Девушка ничего не заметила. Увлекшись воспоминаниями, она продолжала рассказывать со свойственной влюбленным экспансивностью:

— Да, ему очень тяжело приходится, но он говорит, что все это ради меня, а как только мы поженимся, он бросит эту работу. Он и до этого мог бы ее бросить, но он не захотел взять у меня денег и запретил мне просить у отца. Не такой он человек. Он очень гордый — бедный, а гордый,

мой Чарли. А ведь деньги мне от мамы достались, она их на меня в банк положила, вот я и хотела их взять — потому как это мое право — и отдать ему, но он и слышать не хочет! Да он и этих вещей, которые у меня с собой, не дал бы мне взять, если бы знал. Вот так он вечно в разъездах, мотается то туда, то сюда, издергался весь, сам не свой стал, такой худой, бледный, как привидение, и всегда-то он в беспокойстве из-за своей службы; бывает, сойдемся мы с ним где-нибудь в Южном Бору или на дальней вырубке, вдруг его точно что- то толкнет, пора, говорит, Полли, ехать надо, а сам делает вид, будто все гладко. Ведь вот он, должно быть, десятки миль проскакал, чтобы попасть нынче к перевалу да подстеречь дилижанс в зарослях до спуска — и только чтобы узнать, все ли у меня благополучно. Господи боже! Да если бы мне тут же после этого умереть, я бы ему все равно знак подала и свет засветила! Вот, я вам все сказала, что я знаю про Чарли, и почему я из дому сбежала, да, сбежала к нему, и пусть хоть весь свет об этом знает. Я только жалею, что раньше этого не сделала — и сделала бы, да если бы… если бы он только меня попросил…

Тут голос ее прервался, она задохнулась, судорожно глотнула воздух, и вдруг мгновенно, как

это бывает только в очень юном возрасте, словно какая-то тень прошла по ее оживленному, улыбающемуся личику, оно внезапно омрачилось, черты ее дрогнули, и она разразилась слезами.

Вот тут-то, мне кажется, мы все окончательно и размякли, Растерянно улыбаясь, мы переглядывались молча, с тем неестественным видом мужского превосходства, которое в такие минуты горько сознает всю свою беспомощность. Мы глазели по сторонам, выглядывали в окно, сморкались, бормотали бессвязно: «Ну как? Что… м-да…» И как мы ни были удивлены, но все почувствовали великое облегчение, когда Юба Билл, который, повернувшись спиной к простодушной рассказчице, тыкал носком сапога поленья в камине, внезапно сорвался с места и погнал нас всех к дилижансу, и мы всей толпой вывалились за дверь, оставив мисс Мэллинс одну. Он отошел на несколько шагов с судьей Томпсоном, затем вернулся к нам и категорически потребовал ни под каким видом ни слова не говорить мисс Мэллинс об этом для всех понятном деле; после этого он быстро прошел в помещение и тотчас же вышел вместе с молодой девушкой и замахал на нас руками, когда мы при виде ее невинного личика, вновь прояснившегося и румяного,

невольно разразились дружным идиотическим ура. В следующую секунду он уже сидел на козлах, и мы покатили.

— Так, значит, она не знает, кто такой этот ее возлюбленный? — не утерпев, спросил почтовый курьер.

— Нет.

— А ты-то наверняка знаешь, что он из этой банды?

— Наверняка не скажу. Может быть, это тот паренек из Йоло, который попался в лапы зубру из Сакраменто и тот обчистил его в фаро, остриг наголо, вот он и примкнул к банде, деньги на игру добывать. Говорят, в этом ограблении в Килей орудовал какой-то чужак, похоже, отчаянный малый, здоровая там стрельба шла с обеих сторон, может, тогда и на его долю попало, помнишь, она про его руку нам говорила. Если это тот самый… я слышал, будто отец у него какой-то важный священнослужитель в Штатах, а сам он учился в колледже и вот попал в игорный дом во Фриско и свихнулся на картах, самого себя проиграл. Такому только раз оступиться— он пойдет куролесить. По мне лучше водить компанию с сыном висельника, — раздумчиво прибавил он, — оно куда спокойнее и надежнее.

— Ну и что ж ты теперь думаешь делать?

— Посмотрим, как поведет себя этот молодчик, который ее встретит.

— Но не будешь же ты пытаться его задержать? Это было бы уж просто подло от отношению к ним обоим…

— Не кипятись, Джимми… Мы с судьей просто постараемся обломать этого юного балбеса, когда он явится за своей милой. Если он признает, что его дьявол попутал, покается перед богом и даст слово вернуться на путь истинный, мы его тут же на следующей станции обвенчаем с его возлюбленной, и сам судья, безо всякой платы, обрачит их честь по чести. И тогда, значит, ее побег из дому не будет противозаконным и с нашей подорожной все будет в порядке — вот так-то!

— А ты что же думаешь, он так тебе сам в руки и дастся?

— Полли ему знак подаст, что все в порядке.

— А-гм, — протянул почтовый курьер.

Но за эти несколько минут, что длился их разговор, они словно поменялись характерами. Курьер сидел, уставившись прямо перед собой, с критически недоверчивым и даже каким-то циническим видом. А лицо Билла разгладилось: с невозмутимой уверенностью он спокойно по-

гонял лошадей и время от времени что-то вроде умильной улыбки проступало у него на губах.

Между тем кругом на вершинах гор уже разгорался день, но в глубокой низине, куда мы спустились, свет едва пробивался, туманный, неверный. В хижинах и в изредка попадавшихся на пути ранчо, вокруг которых уже теснились целые поселки, еще светились огни. Но самая густая мгла окутала нас, когда мы углубились в небольшую рощу, и вот тут-то Юбе Биллу вручили переданную по рукам из кареты записку от судьи Томпсона, и Билл сразу осадил лошадей и замедлил езду. Наконец у маленького развилка дилижанс остановился. И в ту же минуту мисс Мэллинс выскользнула из кареты и, помахав рукой судье, который помог ей сойти с подножки, бросилась бегом по тропинке и скрылась в полутьме. Дилижанс, к нашему удивлению, остался стоять на месте. Билл с невозмутимым видом сидел, опустив вожжи. Прошло пять минут — целая вечность ожидания, и при этом в мучительной, как немота, тишине, ибо на физиономии Юбы Билла было ясно написано: никаких расспросов. Но вот наконец чей-то незнакомый голос позади на дороге прервал эту тишину.

— Трогай… Мы следуем за вами.

Дилижанс двинулся. Нам слышно было, как позади поскрипывают чужие колеса. Мы все то и дело оборачивались и, вытягивая шеи, старались разглядеть через плечо таинственного незнакомца, но в слабо пробивающемся свете нам видно было только движущуюся позади двуколку и две сидящие в ней фигуры. Конечно, Полли и ее возлюбленный! Мы надеялись, что они нас обгонят. Но, хотя лошадь у них была резвая, расстояние между нами и двуколкой не уменьшалось. Ясно было, что ее возница отнюдь не желал удовлетворить наше любопытство. Почтовый курьер снова обратился к Биллу.

— Ну как, это тот самый, про которого ты и думал? — с жадным любопытством спросил он.

— Похоже, что да, — коротко ответил Билл.

— А что им теперь помешает укатить вдвоем и скрыться подобру-поздорову? — продолжал курьер, снова впадая в свой прежний скептический тон.

Билл со свирепой усмешкой ткнул рукой в сторону багажного ящика.

— Пожитки ее.

— О! — произнес курьер.

— Да, — продолжал Билл. — Мы придержим эти ее кружевца да финтифлюшки, пока не сделаем

того, что положено, а вот когда церемония свершится, мы тут и вручим ей все честь по чести, вроде как бы из родительских рук. И больше того, парень, — внезапно повернувшись к курьеру, внушительно прибавил он, — ты сам отправишь ее сундуки в Сакраменто со всеми вашими почтовыми ярлыками и печатями и дашь ей на руки квитанции, чтобы она могла получить все на месте. Это удержит его от соблазна снестись с бандой, покуда они еще отсюда не выбрались и на мест. о не попали, а там уже он среди честных людей и сам образумится. Уж ежели ваш седовласый старикан, или, сказать попросту, старый пропойца Юба Билл, тот, что перед вами сидит, — продолжал он, грозно прищурившись на курьера, — берется помочь юной чете, которая только еще вступает в жизнь, он скаредничать не будет, нет, можете мне поверить. Он свое дело сделает, все до конца доведет. Самая незадачливая судьба — и та перед ним отступится.

Когда станционная гостиница и разбросанный поселок Соснового Дола, который теперь уже ясно вырисовывался в утреннем свете, вырос наконец перед нами на расстоянии ружейного выстрела, экипаж, ехавший сзади, внезапно вырвался вперед и промчался мимо нас так стремительно,

что лица сидящих только мелькнули, и двуколка уже оказалась ярдов на двадцать впереди и тут же остановилась у подъезда гостиницы. Молодая девушка и ее спутник выпрыгнули из экипажа, и когда мы подъехали к гостинице, они уже скрылись в дверях. По-видимому, они твердо решили ускользнуть от наших любопытных взглядов и преуспели в этом.

Но здоровый аппетит путников, разыгравшийся от свежего горного воздуха, оказался сильнее их любопытства, и так как в ту минуту, когда остановился дилижанс, уже раздался гонг к завтраку, большинство пассажиров сразу ринулось в столовую занимать места, забыв на время об исчезнувшей паре, о судье и Юбе Билле, которые, кстати сказать, тоже исчезли.

Почтовая карета на Мэрисвилл и Сакраменто уже стояла наготове, ибо Сосновый Дол был конечным пунктом вождения Юбы Билла и дилижанс, который нас сюда доставил, не шел дальше. Прошло минут двадцать, когда мы заметили, что в холле и на веранде поднялась какая-то не лишенная торжественности суета и появились Юба Билл и судья. Судья с несколько церемонной галантностью вел под руку статную мисс Мэллинс, а Юба Билл шел рядом с ее спутником.

Они направлялись к экипажу. Мы все ринулись к окнам, чтобы рассмотреть хорошенько таинственного незнакомца и, по всей вероятности, бывшего бандита, связавшего свою жизнь с нашей хорошенькой спутницей. Боюсь, однако, что всех нас охватило какое-то смешанное чувство разочарования и опасения. Красивый и даже вполне приличный на вид, он, безусловно, производил впечатление здорового человека в расцвете молодости и сил. Но в выражении его лица было что-то пристыженное и вместе с тем вызывающее, и к этому примешивалась какая-то скрытая опасливая настороженность; словом, в нем было что-то очень неприятное и отнюдь не подобавшее жениху, тем более обладателю такой невесты. Но открытое, радостное, невинное личико Полли Мэллинс, сиявшее простодушной доверчивостью и счастьем, снова привело нас в такое умиление, что мы невольно простили прегрешения ее друга. Мы помахали им руками, и, если бы не вездесущее око Юбы Билла, грозно устремленное на нас, мы, несомненно, проводили бы их троекратным «ура». Хорошо, что мы этого не сделали, потому что нас тут же позвали, и в следующую минуту мы очутились перед лицом нашего мягкосердого тирана. Он был наедине с

судьей в отдельном номере и встретил нас, стоя у стола, на котором красовался поднос с графином и бокалами. Когда мы один за другим вошли в комнату и, закрыв дверь, остановились выжидательно, он с некоторым сомнением окинул нас снисходительным взглядом.

— Джентльмены, — медленно начал он, — вы все присутствовали при завязке этого маленького представления, разыгравшегося нынче утром, и вот судья считает, что, по справедливости, вас следует допустить и к финалу. Я-то, по правде сказать, держусь другого мнения, по-моему, кой черт вам соваться в это дело, но раз уж судья решил посвятить вас в секрет, вот я и позвал вас выпить на прощание за здоровье мистера и миссис Чарли Бинг, которые сейчас благополучно отправились вить свое супружеское гнездышко. Что вы там знаете или подозреваете насчет этого молодого шалопая, который женился на нашей юной пассажирке, это ровным счетом ничего не значит, и никому до этого дела нет. Но вот судья наш считает, что все вы тут, не сходя с места, должны дать обещание держать это про себя. Так он на это смотрит. Ну, а что касается меня, — каким-то умильным, почти задушевным тоном продолжал Билл, — я, джентльмены, скажу вам попросту,

так, между прочим: если я только услышу, что какой-нибудь отпетый, обиженный богом вислоухий балда, идиот распустил язык…

— Минуточку, Билл, — с мягкой улыбкой перебил его судья, — позвольте я объясню. Вы понимаете, джентльмены, — сказал он, повернувшись к нам, — какое это было исключительное и, я бы сказал, тягостное положение вещей, и вот теперь благодаря стараниям и участию нашего доброго друга оно, надо надеяться, счастливо разрешилось. Так вот, я хочу вам сказать, что, с моей чисто профессиональной точки зрения, в его просьбе к вам нет ничего такого, чего бы вы, как достойные, законопослушные граждане, не вправе были бы выполнить. Я хочу сказать, что вы не нарушите этим никаких установлений закона. У нас нет никаких сколько-нибудь достоверных данных, которые могли бы свидетельствовать о прежних преступных действиях мистера Чарльза Бинга, если не считать того, что мы слышали из уст его невинной возлюбленной, которая теперь, по законам этого штата, став его законной супругой, не может свидетельствовать ни за, ни против своего мужа. Что же касается его поведения, которому мы были свидетелями, то если даже и представить себе, что оно совмести-

мо с его прежними проступками, оно во всяком случае искупает их. Короче говоря, ни один судья не привлечет к суду и никакой суд присяжных не станет судить по такому свидетельству. Если добавить к этому, что молодая девушка в совершеннолетнем возрасте, и что она не только не обнаруживает никаких следов дурного влияния своего жениха, а наоборот, и что я как полномочное должностное лицо был счастлив узаконить их союз, я полагаю, что вы ради невесты охотно дадите обещание молчать и дружно поднимете тост с пожеланием счастливой жизни обоим.

Нечего говорить, что мы сделали это с величайшей готовностью, так что Билл остался нами вполне доволен и даже одобрительно крякнул.

Затем большинство присутствующих, все те, кому предстоял путь в Сакраменто, стали прощаться, и, когда мы вышли на веранду проводить их, мы увидели уже водруженные на их дилижанс сундуки мисс Мэллинс с печатями и ярлыками всесильной почтовой компании. И тут щелкнул бич, карета покатила, и последние следы юной романтической пары исчезли в облаке красной пыли, поднятой колесами дилижанса.

Но Юба Билл долго еще продолжал угрюмо изъявлять свое удовлетворение счастливой

развязкой. Он даже превысил обычную порцию своих предусмотрительно рассчитанных возлияний и теперь, удобно расположившись у стойки, спиной к опустевшему бару, с несвойственной ему словоохотливостью беседовал с почтовым курьером.

— Ты видишь теперь, — говорил он, не без удовольствия припоминая кое-какие подробности, — уж если старый дядюшка Билл взялся за такое дело, он тут же его, не меняя лошадей, за один рейс до конца доведет.

А был момент, когда я было уже совсем думал, не вывезем. Это когда мы решили заставить этого малого открыться своей милой, каким он ремеслом промышлял. Вот ежели бы она от него тут отшатнулась или мы увидели бы, что на нее страх напал и она не знает, на что решиться, мы бы его мигом спровадили, чтобы и духу его тут не было, а девчонку со всеми ее финтифлюшками отправили бы обратно к папаше. Но она только вскрикнула, затряслась и тут же бросилась ему на грудь, вся в слезах, говорит, ничто на свете их не разлучит, и плачет, и смеется, ну, словом, истерика. Ей-богу, мне даже показалось, что он за свои дела больше нее стыдится, словно ему совестно стало, что она за такого замуж пойдет. Я думал, он

вот-вот отступится, ну как-то потом обошлось, и мы их окрутили накрепко, честь по чести. Теперь уж у него отобьет охоту к этим ночным забавам, на всю жизнь запомнит, и если округа в долине, где они осядут, пополнится не таким уж кладом, по крайней мере хоть в ущельях Сьерры одним молодчиком из банды Рамона Мартинеса станет меньше.

— Что там еще о банде Рамона Мартинеса? — спросил чей-то спокойный, властный голос.

Билл быстро обернулся. Это был местный инспектор почтовой компании — чрезвычайно решительный человек, один из немногих, кого самовластный Билл признавал себе равным, — он только что вошел в бар. По его запыленному плащу и шляпе видно было, что он с утра в объезде.

— Пожалуй, не откажусь, Билл, — отвечая на пригласительный жест Билла, сказал он, подходя к стойке. — Оно что-то знойко на дороге. Так что же это вы тут такое о банде Мартинеса говорили? Уж не повстречался ли вам кто-нибудь из них?

— Нет, — чуть прищурившись, отвечал Билл, медленно поднимая свой бокал и словно разглядывая его на свет.

— И не повстречается больше, — сказал инспектор, не спеша потягивая виски. — Дело в том, что

банда эта, в сущности, села на мель. И не потому, что ей промышлять нечем, а потому, что трудно стало сбывать плоды этого промысла. С тех пор как по всем скупочным пунктам отдан приказ проверять происхождение каждой крупицы золота, поступающего к нам, и в слитках и в песке, этим молодчикам некуда стало податься со своей добычей. В любом пункте агенты каждого из них знают в лицо, а связаться с перекупщиком или с барышником, которые берут краденое, — это им не по карману. Теперь все золото, награбленное ими у компании «Эксельсиор», так просто опознать, как если бы на нем стояла печать «Эксельсиора»; сами они плавить это золото не могут и никому поручить тоже не могут; не могут переправить его ни на монетный двор, ни в пробирную палату в Мэрисвилл или Фриско, потому что никто у них его без наших печатей и сопроводительного бланка не примет; а мы по всей этой округе, где действует банда Рамона, не принимаем никаких посылок без засвидетельственной описи, кроме как от наших служащих и хорошо известных людей. Ну вы-то уж все это знаете, не правда ли, Джим? — внезапно повернувшись к почтовому курьеру, сказал он.

Может быть, оттого, что к нему так неожиданно

обратились, курьер поперхнулся и закашлялся.

— Д-а-а, к-конечно, — заикаясь, поспешно пробормотал он, ставя свой стакан.

— Да, сэр, — довольным тоном продолжал инспектор, — здорово они сели на мель. И верное доказательство этого-то, что они последнее время бросились грабить что ни попадя, просто обыкновенную кладь» вещи пассажиров. Вот на Даус-Флет они только на днях задержали перевозочный фургон и уйму вещей награбили. Я вынужден был поехать туда расследовать это дело. Подумать только: свадебное приданое, массу женских нарядов забрали у новобрачных, богатая молодая чета ехала, только что обвенчались в Мэрисвилле. Ну коли до этого дошло, дальше уж некуда катиться!

Почтовый курьер растерянно повернулся к Биллу, на лице его было написано смятение, Билл, поспешно допив стакан с остатками виски, молча уставился в окно. Затем не торопясь стал натягивать одну из своих огромных рукавиц.

— А вам случайно не приходилось встречаться со старым Живодером Хеммингсом, когда вы были там? — медленно растягивая, но отчетливо выговаривая каждое слово, спросил он.

— Случалось.

— И с дочкой его?

— Нет у него никакой дочки.

— Да ну, такая простушка, наивная кроткая девушка, эдакое дитя природы, — с побуревшей физиономией, но с полной невозмутимостью и дьявольским хладнокровием продолжал допытываться Билл.

— Нет. Я же вам говорю, нет у него дочери. Старик Хеммингс — закоренелый холостяк. Слишком скуп, чтобы содержать кого-то, кроме себя.

— А из этой банды вы кого-нибудь знаете? — с невыносимой медлительностью выспрашивал Билл.

— Да, я всех их знаю: Француз Пети, Индеец Боб, Канак Джо, Стилсон одноглазый, Мозгляк Браун, Джек Испанец и два — три мексиканца.

— А не знаете среди них такого Чарли Бинга?

— Нет, — уже несколько нетерпеливо отрезал инспектор и рассеянно поглядел на дверь.

— Такой смуглый, фатоватый парень, с закрученными усиками, глаза черные, так и шныряют по сторонам, угрюмо — дотошно приставал Билл.

— Нет. Послушайте, Билл, я, знаете, немножко спешу. А вы, я вижу, хотите меня на чем-то поймать; ну, так уж и быть, доводите вашу шутку до

конца, пока что я так и не понял, в чем тут соль.

— Что вы хотите этим сказать? — круто переменив тон, спросил Билл.

— Что? Ну, вы, старина, знаете не хуже меня. Вы же мне сейчас нарисовали точный портрет Рамона Мартинеса. Ха — ха — ха! Нет, на этом вам не удастся меня провести! Как вы ни хитры, Билл, а на этот раз вы меня не поймали.

И, кивнув на прощание, он, посмеиваясь, пошел к двери. Билл с каменным лицом повернулся к почтовому курьеру. Внезапно какой-то озорной огонек вспыхнул в его мрачном взоре. Он нагнулся к молодому человеку и сиплым, прерывающимся от смеха шепотом сказал ему на ухо:

— А все-таки я с ним поквитался.

— Как это?

— Окрутил его накрепко, он теперь с этой лживой чертовкой мертвым узлом связан.